

Борис Цилевич
депутат 8 Сейма Латвии

ЭТНИЧЕСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В ЛАТВИИ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

участника событий последних 15 лет.

«Латвийский вариант» этнополитического конфликта

Прошло уже более 13 лет со дня восстановления независимости Латвии - достаточный срок для того, чтобы попытаться проанализировать основные тенденции и специфические особенности развития ситуации в контексте политологических теорий демократии в мультикультурных обществах.

Библиография работ, посвященных различным аспектам развития постсоветской латвийской государственности, насчитывает уже не одну сотню названий. Значительная часть из них дескриптивны, другие подробно описывают и анализируют конкретные частные проблемы (такие, как, например, юридические аспекты проблемы гражданства или деятельность международных организаций в Латвии). Не претендуя на академический анализ, я тем не менее попытаюсь в настоящем вьютуплении воздержаться от описательности (полагая, что все участники хорошо знакомы с основными фактами) и эмоциональных оценок. Моя задача - попытка анализа с точки зрения внимательного наблюдателя, комментатора и, в определенной степени.

в конце 80х годов, в период дезинтеграции советской империи, многие западные аналитики предсказывали для Латвии неизбежный кровавый конфликт на этнической почве. Они исходили в первую очередь из формальных показателей: при очевидном и достаточно ярко выраженном размежевании по этническому признаку, этнические пропорции были близки к «тупиковым» 50:50.

И сейчас на различных конференциях и семинарах зарубежные коллеги часто спрашивают: ну как вам все же удалось избежать межэтнического насилия? Ведь, помимо формальных пропорций, латвийское законодательство по отношению к «нетитульным» меньшинствам значительно жестче, чем практически во всех других бывших коммунистических государствах. Почему, к примеру, в Приднестровье - при нулевом варианте гражданства и фактическом двуязычии - началась настоящая война, а в Латвии практически абсолютное этническое доминирование оказалось обеспечено

даже без намеков на насилие? В чем ваше латвийское "know-how"?

Видимо, ссылок на «холодную балтийскую кровь» и «традиции 'советского запада'» явно недостаточно. Целый ряд факторов сыграл свою роль. К вопросу о возможных причинах особенностей «латвийского варианта» мы еще вернемся.

Целый ряд исследователей характеризует сформировавшийся в Латвии политический режим как «этническую демократию». При всей условности этого термина (так, его критики не без оснований утверждают, что любая демократия в большей или меньшей степени соответствует этому определению), его применение по отношению к Латвии выглядит вполне оправданно. Политический режим, важнейшей особенностью которого является обеспечение политического доминирования титульной этнической группы, формировался постепенно. На разных этапах решающее значение имели различные факторы - как внутренние, так и внешние. Мы выделили пять основных этапов этого процесса.

Первый этап: вынужденный компромисс

Процесс пост-советской трансформации общества Латвии включал множество разных аспектов. Этнический фактор был далеко не единственным, но весьма существенным. Именно он был использован для быстрой мобилизации в период «Атмоды», и именно придание особой роли этому фактору обеспечило оправдание включения в движение за независимость абсолютного большинства латышей, прежде добросовестно служивших коммунистическому режиму. Естественно, с самого начала проявились различия интересов латвийцев в зависимости от этнического происхождения, родного языка и культурной идентичности (весьма приблизительно

можно говорить о двух лингвистических общинах).

Народный фронт был широким движением, включавшим в себя группы и индивидов с весьма различными взглядами и целями. На первом этапе латышскому большинству, в силу целого ряда причин, приходилось учитывать интересы русскоязычного меньшинства. Это проявилось, в частности, в демократических установках предвыборной программы НФЛ 1990 года, что позволило получить поддержку приблизительно трети русскоязычных латвийцев (еще треть последовательно выступали против независимости, а треть ясной точки зрения не имели и занимали пассивную позицию - эти оценки приводит большинство исследователей, хотя некоторые, в частности, И.Межс, их оспаривают). Это позволило обеспечить НФЛ квалифицированное большинство в 2/3 по итогам выборов Верховного Совета ЛССР в 1990 году.

Однако по мере приближения реальной независимости вопрос политического доминирования становился все более актуальным. Если бы демократическая система со свободными выборами была бы построена на основе предвыборной программы НФЛ, существенное влияние русскоязычных латвийцев на принятие политических решений оказалось бы неизбежным. Многие в НФЛ поддерживали такой сценарий развития латвийской государственности, не без оснований полагая, что именно за счет участия русских и учета их интересов можно будет обеспечить их лояльность независимой Латвии и поддержку важнейших для латышей решений (в частности, повышение юридического и фактического статуса латышского языка).

Другие группировки в НФЛ считали, что этого мало. Националисты формулировали проблему политического доминирования в явном виде: «латыши должны быть хозяевами на своей земле». Актив-

но обсуждалось несколько сценариев обеспечения такого доминирования. В качестве оптимального средства была выбрана концепция гражданства. Вскоре выяснилось, что сторонников такого подхода среди лидеров НФЛ явное большинство.

Откровенное противоречие концепции «восстановленного гражданства» предвыборной программе НФЛ не смутило его лидеров. С их точки зрения, обеспечение этнического доминирования титульной группы было настолько важной задачей, что ради ее достижения можно было пожертвовать некоторыми «детальными абстрактными демократии». В то же время русскоязычными сторонниками независимости это было воспринято как откровенное предательство. Практически все русскоязычные сторонники НФЛ выступили резко против такого решения. Именно тогда произошел фактический раскол по этническому признаку.

Второй этап: обеспечение доминирования, или «кидок»

Окончание этапа «вынужденного компромисса» можно датировать 15 октября 1991 года, когда Верховный Совет значительным большинством голосов принял Резолюцию о восстановлении совокупности граждан ЛР и основных принципах натурализации.

Международное право не дает ясных рецептов, позволяющих строго юридически оценить соответствие «концепции восстановленного гражданства» общепринятым принципам. Основные положения немногочисленных концепций о гражданстве сводятся к запрету лишения гражданства, если это приведет к тому, что лицо окажется апатридом, запрещению дискриминации по признаку пола, в также к довольно общим обязательствам государства содействовать натурализации апатридов, родив-

шихся на его территории. Эксперты давали различные оценки латвийской концепции гражданства, в том числе и достаточно жесткие (так, А.Эйде, хотя и не указывал конкретных норм международного права, которым эта концепция противоречит, счел, что ее «кумулятивный эффект» следует трактовать как нарушение прав человека).

Тем не менее, после нескольких лет дискуссий на разных уровнях международное сообщество приняло латвийскую «концепцию восстановленного гражданства». Почему? В отсутствие четких юридических критериев, вопрос дискутировался в чисто политическом контексте. И здесь силы оппонировавших сторон были явно не равны.

Внутри Латвии в начале 90х годов практически не было организованной оппозиции. Старая, прокоммунистическая оппозиция была разгромлена. Большинство ее активистов сошли с политической сцены, некоторые были лишены депутатских мандатов и даже осуждены к тюремному заключению (А.Рубикс). Немногие активисты фракции «Равноправие» в Верховном Совете «остались в строю» (Т.Жданок, С.Диманис, С.Залетаев, Л.Курдюмов), но им потребовалось несколько лет, чтобы перестроиться, разработать новую, соответствующую времени идеологию, создать организационные структуры (движение «Равноправие», Соцпартия). Даже те из них, кто сохранил депутатский статус, не имели достаточных организационных и интеллектуальных ресурсов, чтобы хоть в какой-то мере конкурировать с официальной пропагандистской машиной.

С другой стороны, либеральная оппозиция растущим националистическим тенденциям внутри латышского национального движения еще только формировалась. Ее лидеры (Я.Юрканс, М.Вульфсон, В.Дозорцев) создали свою партию (Партия народного согласия)

лишь в начале 1994 года, и в период активных дебатов о концепции гражданства также не имели необходимого политического ресурса.

Правозащитное движение, неправительственные организации еще только зарождались. Его зачинатели в то время ничего не знали о привлечении средств (fundraising), слабо владели иностранными языками, не имели ясного представления об эффективных технологиях лоббирования в международных организациях.

Фактически единственной реальной оппозицией долгое время оставалась русскоязычная пресса, резко и последовательно критиковавшая исключительную концепцию гражданства. Но ее влияние за пределами Латвии - где, собственно, и принимались решения - было весьма ограниченным.

Что касается «внешних» игроков, здесь игра также шла «в одни ворота». В европейской и американской внешней политике царил эклектичная смесь эйфории «нового мышления» и стереотипов холодной войны. Идеологи «концепции восстановленного гражданства», пользуясь активной помощью западных консультантов, умело использовали риторику непризнания частью демократических государств аннексии Балтии Советским Союзом, и представляли концепцию гражданства как логическое следствие этого непризнания. Оппонировать было некому - независимая Россия переживала «медовый месяц» с бывшими республиками СССР, ведь именно коалиция республиканских элит в итоге и свалила союзное руководство. Когда же через какое-то время российское руководство попыталось жестко поставить вопрос о правах соотечественников в Латвии, она фактически оказалась в изоляции. Важнейшие политические решения к тому времени уже были приняты.

Итак, международное сообщество легитимировало исключительную концепцию гражданства в Латвии - впрочем, на определенных условиях, с разной степенью артикулированности отраженных в ряде политических и юридических документов. Подразумевалось, что разделение на «наследственных» граждан и прочих - сугубо временная, едва ли не символическая мера, необходимая прежде всего для демонстрации восстановления исторической справедливости, что будут быстро приняты простые условия натурализации, и очень скоро проблема гражданства будет разрешена. При этом все международные организации ясно дали понять, что ни в коем случае не станут поддерживать ни риторику, ни тем более какие-либо практические шаги, направленные на депортации неграждан.

Еще какое-то время политический дискурс, связанный с критикой концепции «восстановленного гражданства», оставался легитимным. Окончание этого периода фактически обозначила отставка Я.Юрканса, тогдашнего фактического лидера либеральной оппозиции, с поста министра иностранных дел в октябре 1992 года. После этого любая критика исключительной концепции гражданства уже воспринималась в официальном дискурсе как откровенно антигосударственные действия. Начался следующий этап.

Третий этап: реализация доминирования, или «сбор урожая»

Многие исследователи, в частности, Д.Хоровиц в своей классической работе "Ethnic Groups in Conflict", исходят из концепции конкуренции разных этнических групп за скудные ресурсы. С этой точки зрения концепция «восстановленного гражданства» представила явное преимущество этническим латышам - составляя почти половину всего населения, нелатыши получили лишь

около 20% формальной политической власти.

Следует признать, что такая ситуация объективно имела как отрицательные, так и положительные стороны. С практической точки зрения этническое доминирование позволило избежать возможной ситуации пата, блокирования парламентских механизмов принятия решений при «этническом» голосовании 50:50. В более общем плане, концепция «восстановленного гражданства» позволила направить националистические эмоции в легалистское русло. Грубо говоря, радикально настроенным националистам не пришлось прибегать к физическому насилию для достижения своих целей (хотя, конечно, другие определяемые социологией виды насилия - в частности, культурное и структурное - использовались довольно широко).

С другой стороны, избранная стратегия создала долговременный дефицит демократии. Как сказал когда-то Э.Уоррен, гражданство - это право иметь права. Абсолютное большинство латышских политиков оказались не заинтересованы учитывать интересы неграждан, так как просто не зависели от них. Более того, неграждане оказались удобной группой для реализации манихейской стратегии: их легко было представлять в качестве угрозы, источника опасности, консолидируя латышского избирателя.

Таким образом, на третьем этапе произошло усиление значимости этнического фактора. Возникла своего рода положительная обратная связь: явное доминирование этнических латышей среди граждан при сохранении (точнее, незначительном изменении) фактического этнического состава населения неизбежно «этнизировало» политический дискурс. В то же время активная эксплуатация этого дискурса политической элитой легитимировала эту «этнизацию».

Эти тенденции проявились как в законодательстве, так и в административных практиках.

Был принят целый ряд законов и нормативных актов, явно противоречащих объективным интересам русскоязычных латвийцев (законодательство о языке, образовании и т.д.). Концепция безопасности государства также все больше основывалась на этнических факторах (защита латышского языка или «исправление» демографической ситуации как факторы безопасности). Этнический фактор стал играть важнейшую роль в кадровой политике.

Одновременно - и в прямом противоречии с ожиданиями международного сообщества - проводилась политика, направленная на закрепление достигнутого доминирования. Принятие закона о гражданстве - фактически закона о натурализации - было затянато до лета 1994 г., а практическая натурализация началась лишь в феврале 1995 г. (отметим, что в Эстонии, при изначально аналогичном развитии событий, этот закон был принят и начал действовать тремя годами раньше - в феврале 1992 г.). К тому же первоначальный вариант закона был принят в заведомо неприемлемом для международных организаций виде (с квотами), что вынудило «внешних игроков» оказать массированное давление на Латвию и в итоге согласиться на «окна натурализации», фактически эквивалентные квотам по своему эффекту. Тем самым начало более или менее массовой натурализации было затянато еще на четыре года.

Параллельно осуществлялась политика давления на неграждан. Определение правового статуса неграждан было затянато до апреля 1995 года. Однако «явочным порядком» права неграждан методично урезались. Наделение граждан дополнительными приватизационными

ми сертификатами (на 15 сертификатов больше, чем у негражданина, родившегося в Латвии, и на 25 - чем у родившихся вне Латвии) имело скорее символическое значение. Более существенными были ограничения «неполитических» прав неграждан, установленные рядом законов, нормативных актов и решений самоуправлений: возможность работать на ряде должностей и по многим профессиям, имущественные права, социальные права (наибольший резонанс получило принятое в январе 1994 года решение Рижской Думы о выплате пособий на отопление только гражданам). Юридическая неясность и бюрократическая чехарда с паспортами, введение «возвратных виз» серьезно ограничивали свободу передвижения неграждан. Еще в середине 90-х годов независимая Латвия продолжала выдавать своим жителям паспорта СССР.

Особо мощным средством давления стал бюрократический произвол Департамента гражданства и иммиграции (ДГИ) в ходе составления Регистра жителей. Незаконный отказ в регистрации (фактически лишавший человека возможности легально работать, получать социальные пособия, пересекать границу, регистрировать брак и рождение ребенка - словом, делавший его нелегалом) коснулся многих десятков тысяч людей.

Произвол ДГИ стал одной из основных тем русскоязычной прессы Латвии. В то же время латышская пресса практически ничего об этих проблемах не писала. Именно в этот период возник «информационный апартеид» - до этого латышская и русская пресса Латвии освещали практически одни и те же темы, хотя оценки зачастую давали прямо противоположные.

В период радикальных изменений в экономике, перераспределения собственности политическая власть означает

также и экономическое благосостояние. В кадровой политике в сфере госуправления, промышленности, транспорта (в несколько меньшей степени) идеологический фактор - тесно связанный с этническим - стал определяющим. Во многих случаях на руководящие посты фактически назначались комиссары.

До сих пор абсолютно не исследованным остается этнический аспект коррупции. Стереотип перестроечных времен: богатые люди - это предприниматели, все еще широко распространен. Однако высшие менеджеры госпредприятий и предприятий с долей государственного капитала и чиновники высшего ранга вряд ли уступают бизнесменам по уровню даже официальных доходов, не говоря уже о неофициальных, связанных с коррупцией. Абсолютное большинство доходных и «перспективных» с точки зрения коррупции должностей с начала 90-х годов заняли этнические латыши. Единственное исследование этнического представительства в органах власти и управления, опубликованное в 2002 году А.Пабриксом, показало лишь верхушку айсберга. Упрощенно можно сказать, что в ситуации широко распространенной коррупции времен массовой приватизации как латыши, так и русскоязычные были вынуждены давать взятки - но среди тех, кто имел возможность брать, подавляющее большинство составляли латыши.

Массового организованного сопротивления русскоязычного меньшинства тенденциям реализации этнического доминирования не было. Интеллигенция, бывшие сторонники борьбы за независимость восприняли эту ситуацию как собственное поражение - оказалось, что сбылись предупреждения Интерфронта. Реакция русских Латвии проявилась в растущем отчуждении от государства, тенденции строить свою жизнь с минимально возможными контактами с ним (тенденция русских работать в сфере

частного бизнеса), недоверии, ироническом отношении к государственной патетике. Существенно, что идеология русского национализма оставалась маргинальной.

Возможно, важнейший эффект, который можно зафиксировать на этом этапе - это унаследование отношения родителей: обиды, отчуждения, ощущения совершенного по отношению к ним предательства, молодым поколением русскоязычных латвийцев, формировавшихся как личности уже в независимой Латвии.

Четвертый этап: попытка легитимации доминирования, или имитация интеграции

Во второй половине 90х годов ситуация в значительной мере стабилизировалась. Политическое доминирование латышей было надежно обеспечено, перераспределение собственности в основном завершено. Появились определенные изменения в публичном дискурсе латышского общества: наряду с доминирующими тенденциями «восстановления исторической справедливости» и легитимации этнической государственности, стали заметны более либеральные тенденции. Впрочем, в политике либералы постоянно ориентировались на коалицию с националистами и безоговорочно уступали им по всем ключевым вопросам.

В это же время стало все более явно проявляться недовольство международных организаций. Оказалось, что в целом одобренный ими закон о гражданстве на практике не работает - количество натурализованных граждан оставалось мизерным. У международных организаций оставалось все меньше рычагов влияния на Латвию, и критика неэффективности решения проблемы без-

гражданства звучала все более громко.

Результатом этих тенденций стало постепенное изменение официальной риторики: более или менее откровенный дискурс «деколонизации и деокупации» сменился дискурсом интеграции. Начало четвертого этапа ознаменовало принятие либерализующих поправок к закону о гражданстве (июнь 1998 года, закреплены референдумом в октябре 1998 г.), а также принятие официальной концепции и программы интеграции. Тем самым интеграция была закреплена в качестве официальной государственной политики.

Однако содержание парадигмы интеграции понималась латышским большинством и русскоязычным меньшинством очень по-разному. Официальная трактовка интеграции подразумевала, по существу, консенсус, основанный на легитимации этнического доминирования. Подразумевалось, что русскоговорящие латвийцы должны принять как должное сложившийся порядок вещей, согласиться с этническим доминированием титульной группы, отказаться от требования изменений. Более того, такие требования стали квалифицироваться как «сопротивление интеграции» и даже «раскол общества». Русские же латвийцы понимали интеграцию в первую очередь как учет их интересов и их собственное участие в принятии решений.

Почему реальное содействие интеграции, включая эффективные меры по ускорению натурализации, не может быть осуществлено нынешней политической элитой? Дело в том, что по настоящему массовая натурализация неизбежно повлечет за собой радикальные изменения соотношения сил в латвийской политике. Абсолютное большинство «новых» граждан не будут голосовать за партии, которые столько лет проводили политику ограничения в

отношении этих людей. В то же время к концу 90х годов ситуация «вакуума оппозиции» также существенно изменилась - появилась реальная альтернатива либерал-националистам. Укрепились позиции «променьшинственных» партий, их представительство в парламенте (хотя и не обеспечивающее реального влияния на принятие решений, но дающее возможность высказывать свою точку зрения, доносить ее, помимо прочего, до международных организаций) и в самоуправлениях (где в ряде регионов, включая Ригу, «променьшинственная» оппозиция получила доступ к реальной власти). Наряду с выраженными тенденциями маргинализации русскоязычного меньшинства, появилось немало хорошо образованных молодых специалистов и успешных предпринимателей. Русская пресса Латвии, несмотря на заметное снижение тиражей и изменение содержания, продолжает играть консолидирующую роль.

Таким образом, содействие массовой натурализации стало бы добровольным политическим самоубийством для значительной части латвийской политической элиты. Но международные организации продолжали настойчиво требовать ускорения натурализации. Именно это противоречие и привело к тому, что становящаяся все более громкой интеграционная риторика парадоксальным образом сопровождалась заведомо неэффективными, показушными, рассчитанными на внешнего наблюдателя практическими мерами.

Впрочем, важнейший фактор нынешней ситуации заключается в том, что темпы натурализации отнюдь не имеют решающего значения для решения проблемы безгражданства. О чем говорят цифры? В 1994 году в Латвии насчитывалось более 730,000 неграждан. К концу 2003 года их число упало до менее полумиллиона. Таким образом, в стране стало на 230,000

неграждан меньше. Но натурализовалось за этот период лишь около 65,000 - менее трети.

Конечно, на эти показатели влияет и общая депопуляция, и эмиграция, но весьма незначительно. Главный фактор - это просто смена поколений: подрастают и становятся совершеннолетними дети из смешанных, «гражданство-негражданских» семей. Голоса этих полноправных граждан, считающих, что с их родителями-негражданами обошлись несправедливо, вносят существенный вклад в рост представительства «променьшинственных» партий.

Эту тенденцию остановить невозможно. Поэтому для сохранения этнического доминирования была выбрана иная стратегия. Решающее место в ней отводится так называемой реформе образования меньшинств. Аргументы о плохом знании латышского выпускниками русских школ, о необходимости обеспечить конкурентоспособность русской молодежи и т.п. являются, по сути, всего лишь пропагандистским обеспечением для достижения реальной цели: ассимиляции молодых русскоязычных граждан - ассимиляции не лингвистической или культурной, а идеологической и политической, до того, как они придут к избирательным урнам. Дело не только и не столько в языке образования, сколько в содержании, в ценностных установках, которые эта система должна транслировать. Разрушить передачу оценок и отношений в семье, от родителей к детям, «унаследование» обиды и отчуждения весьма сложно. Разорвать эту связь в рамках контролируемой государством школы - более реальная задача.

Именно поэтому на реформу образования делается такой упор. И именно поэтому все дискуссии о реформе столь бесплодны: в них не затрагиваются стратегические цели и концепции.

Пятый этап: свободное плавание

В этих условиях Латвия вступает в очередную этап развития, начало которого ознаменует официальное вступление в ЕС 1 мая 2004 года. Главной особенностью этого этапа станет официальное окончание «эры внешних рекомендаций». До сих пор практически все либерализующие решения, снижавшие уровень этнического доминирования, принимались под давлением международных организаций. Решающим фактором было наличие в их распоряжении эффективных стимулов: вступление в Совет Европы, затем в Европейский Союз. С мая этого года таких «морковок» больше не будет.

Могут ли чисто юридические процедуры служить адекватной заменой «воспитательным усилиям» мирового сообщества? Вряд ли. Международные правовые стандарты в области недискриминации и прав национальных меньшинств развиты пока достаточно слабо, в особо важной сфере образования они особенно «растяжимы». Политической элите Латвии удалось надолго затянуть ратификацию Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Используя юридические процедуры, можно добиться изменения отдельных норм законодательства - так, «дело Игнатане» в Комитете по правам человека ООН и «дело Подколзиной» в Европейском суде по правам человека привели к отмене языковых требований к кандидатам в депутаты, обращение в Конституционный суд позволило добиться отмены «языковых квот» на частных радиостанциях и ТВ-каналах. Но изменить ситуацию существенно юридические механизмы вряд ли помогут.

Основная цель более чем десятилетнего мониторинга пост-коммунистических государств заключалась не в том, чтобы сформировать систему законодательства и административной практики, соот-

ветствующую демократическим стандартам. Целью было научить политические элиты этих государств самостоятельно формировать такую систему. В отношении Латвии эта цель была достигнута в явно недостаточной степени.

Начало этапа «свободного плавания» почти совпало по времени с радикальными изменениями соотношения сил между латышскими политическими партиями: ушел со сцены «Латвийский путь», на протяжении почти десяти лет игравший лидирующую роль в латвийской политике, ему на смену пришло «Новое время». Сменилась не политическая элита, а ключевые фигуры. При весьма схожих базовых парадигмах креатуры «НВ» не прошли многолетней школы общения с «менторами» - международными организациями, они откровеннее выражают концепцию этнического доминирования.

Характерными особенностями современной политической элиты Латвии являются стремление искать не компромисс, а оправдания для отказа от диалога, активное использование прессы и интеллектуалов для пропагандистского и «академического» обеспечения политических концепций, эксплуатация узости информационного пространства Латвии, «коррекция» понятий (например, использование для обозначения неграждан терминологии типа «лица, не желающие принимать гражданства Латвии») и новейшей истории (так, факт, что предвыборная программа НФЛ предусматривала нулевой вариант гражданства, не упоминается никогда, так что латышская молодежь об этом просто не знает). Иногда ситуация доходит до уровня оруэлловской - когда серьезный политолог объясняет непропорционально высокое представительство этнических русских среди персонала тюрем и непропорционально низкое - среди сотрудников министерств тем, что работа в министерствах «непрестижна среди русских», или когда ситуация, когда ребенок из русскоязыч-

ной семьи учится только на латышском, «академически» определяется как «одна из форм билингвального образования».

Самая серьезная проблема заключается в том, что проблема демократии в многоэтническом обществе воспринимается как игра с нулевой суммой: «если русские что-то получают, значит, латыши неизбежно что-то теряют». Именно поэтому любое приведение законодательства Латвии в соответствие с международными стандартами воспринимается как уступка, которую надо немедленно компенсировать ужесточением в другом вопросе. Именно поэтому проблемы русскоязычного меньшинства не воспринимаются как проблемы государства в целом.

Интересно сравнить ситуацию в Латвии и Эстонии. К моменту восстановления независимости общество Эстонии было более сегрегированным, чем Латвии: территориальная концентрация русскоязычных жителей (северо-восток и Таллинн), значительно меньшая доля «коренных» русских, получивших гражданство в порядке регистрации, более низкий уровень смешанных браков, худшее владение эстонским языком, чем уровень владения латышским русскими Латвии. В Эстонии, в отличие от Латвии, реальной была угроза попыток сепаратизма (объявленные в 1993 году референдумы в городах «русского» северо-востока как реакция на принятие закона об иностранцах). Очевидно, именно поэтому политическая элита Эстонии была вынуждена отнестись к проблемам своего русскоязычного меньшинства более серьезно, чем Латвии.

И Эстония действительно использовала возможность научиться самостоятельно решать эти проблемы в период мониторинга и рекомендаций со стороны международных организаций. Наглядный пример - последние поправки к закону об образовании, фактически

снявшие проблему сохранения русских школ и Припятью в январе 2003 года без какого-либо внешнего давления. Другими важными отличиями от Латвии являются предоставление права голоса негражданам на муниципальных выборах и ранняя ратификация Рамочной конвенции.

Результатом стал полный провал «русских партий» не только на выборах парламента, но и на муниципальных, с участием неграждан. С другой стороны, значительное число этнических русских избрано в парламент по спискам «эстонских» партий - ситуация, трудно представимая в Латвии, где тенденция прямо противоположна: влияние этнической мобилизации на политические предпочтения растет, и голосование становится все более «этническим».

Эти различия отнюдь не отражают уровня распространенности «идейного» национализма -- в Эстонии он никак не ниже, чем в Латвии. Скорее они отражают различия в степени зрелости демократии.

Заключение и попытка прогноза

Вернемся к вопросу, заданному в начале: так почему же все-таки в Латвии не было этнического конфликта с применением насилия?

Полагаю, один из решающих факторов заключается в том, что реальная степень интеграции латвийских русских намного выше, чем предполагает официальный дискурс. Большинство русских Латвии - это именно «латвийские русские», обладающие множественной идентичностью (multiple identity) и ассоциирующие себя скорее с Латвией, чем с Россией. У большинства русских есть тесные деловые, дружеские и даже родственные контакты с латышами, и отношение к

государству - даже воспринимаемому как «латышское государство» - как правило, не отождествляется с отношением к латышской общине. Этот мощнейший интеграционный ресурс полностью игнорируется нынешними концепциями интеграции - видимо, поскольку его вряд ли можно использовать для легитимации доминирования.

Еще один важный фактор - это опыт существования в СССР. После короткого периода неясных надежд и ожиданий во время перестройки и «Атмоды» и последующего периода жесткого давления, латвийское государство стало вести себя по отношению к русскоязычным латвийцам примерно так же, как вело себя советское: особой помощи ждать не следует, скорее надо опасаться государства, и в любом случае лучше избегать контактов и держаться подальше. Так что советский опыт «кухонного диссидентства» оказался востребован - он стал альтернативой жестким действиям по защите своих интересов.

Как ситуация будет развиваться дальше? Возможны несколько вариантов.

Со временем возможен поворот к «эстонскому варианту»: сотрудничество между государством и русскоязычным меньшинством, основанное отнюдь не на взаимной любви, а на трезвом расчете и осознании принципов демократии.

В зависимости от развития ситуации в России, не исключен и «венгерский вариант»: Венгрия активно поддерживает свои меньшинства в соседних Румынии и Словакии, и при этой поддержке венгерские меньшинства создали сильные, явно ориентированные на «этническую родину» общинные структуры, включая собственные политические партии, регулярно участвующие в формировании правительств.

Впрочем, в обозримом будущем (если

политическая элита не перегнет палку с осуществлением «школьной реформы», что может просто взорвать ситуацию) более вероятным представляется сохранение нынешних тенденций: рост отчуждения, недоверия и иронического отношения, стремление существовать по возможности независимо от государства: это государство нас оттолкнуло, обойдемся без него. Государство не воспринимается как враг, но и определенно не как друг.

Станет ли государство партнером? Будущее покажет.